
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Ранний железный век

ТОМ
III

КАЗАНЬ
2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.443

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

A87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 3. Ранний железный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 676 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

Третий том «Археологии Волго-Уралья» включает результаты новейших исследований раннего железного века. Том охватывает древности I тысячелетия до н. э., с IX в. до н. э. вплоть до II/III вв. н. э. и содержит описание основных археологических культур Волго-Уралья. В первой части книги основное внимание уделено первой фазе раннего железного века, когда в степной зоне были распространены ранние кочевники – скифы, савроматы и др., а в лесной зоне обитали носители ананьинской, городецкой и других археологических культур, входившие в периферию скифо-сибирского мира. Культуры второй фазы раннего железного века рассматриваются во второй части тома, которая включает сарматский мир в степной зоне и постананьинский в лесной. Подробно характеризуются поселенческие и погребальные памятники, жилые сооружения, хозяйство и социальные отношения населения раннего железного века как степной, так и лесной ландшафтных зон.

The third volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” presents the results of the latest studies of the early Iron Age. The volume covers the antiquities of the 1st millennium BC, from the 9th century BC to the early 1st millennium AD until the 2nd/3rd centuries AD, and describes the main archaeological cultures of the Volga-Urals. The primary focus of the first part of the book is the first phase of the Early Iron Age, when the early nomads – the Scythians, Savromats, and others were widespread in the steppe zone, and the carriers of the Ananyino, Gorodets and other archaeological cultures, who were part of the periphery of the Scytho-Siberian world, lived in the forest zone. The cultures of the second phase of the Early Iron Age are addressed in the second part of the volume, which includes the Sarmatian world in the steppe zone and the Post-Ananyino world in the forest zone. The publication features detailed characteristics of the settlement and burial monuments, residential buildings, economy and social relations of the population of the early Iron Age both in the steppe and forest landscape zones.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2021

© Изд-во АН РТ, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.А. ЧИЖЕВСКИЙ (ответственный редактор)

С.В. КУЗЬМИНЫХ

А.В. ЛЫГАНОВ (секретарь)

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ ФИННО-УГОРСКИЙ МИР ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома III:

АСЬКЕЕВ И.В.
АШИХМИНА Л.И.
БАРЦЕВА Т.Б.
БЕРНЦ В.А.
БУГРОВ Д.Г.
ВАСКУЛ И.О.
ВОЛКОВА Ек.В.
ВОЛКОВА Ел.В.
ВОРОБЬЕВА С.Л.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГОЛУБЕВА Ю.В.
ГРИШАКОВ В.В.
ЗАВЬЯЛОВ В.И.
ЗУБОВ С.Э.
КИТОВ Е.П.
КОРЕНЮК С.Н.
КУЗЬМИНЫХ С.В.
ЛЕЩИНСКАЯ Н.А.
МЫШКИН В.Н.
МЯСНИКОВ Н.С.
ОЧИР-ГОРЯЕВА М.А.
ПАТРУШЕВ В.С.
ПЕРЕСКОКОВ М.Л.
САПРЫКИНА И.А.
САТТАРОВ Р.Р.
СКРИПКИН А.С.
СТАВИЦКИЙ В.В.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ТАГИРОВ Ф.М.
ТАИРОВ А.Д.
ТЕРЕХОВА Н.Н.
ХОХЛОВ А.А.
ЧЕРНЫХ Е.М.
ЧИЖЕВСКИЙ А.А.

ГЛАВА 2

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Впервые термин «пьяноборская культура» стал известен в 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере Татарстана была собрана коллекция уникальных древних вещей, поступившая в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Она заинтересовала ученых и уже в 1881 г. здесь провел небольшие раскопки П.А. Пономарев (Спицын, 1901, с. 1). Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагающегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая костяки и вещи. В 1880-х гг. на могильнике побывали А.А. Спицын, И.Н. Смирнов, Ф.Д. Нефедов. По заключению А.А. Спицына, «богатый пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. ... Совершенно ясно, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника» (Спицын, 1901, с. 1–7). В 1881 г. был открыт и исследован С.К. Кузнецовым могильник Атамановы Кости в низовьях Вятки, давший типологически близкие предметы (Спицын, 1901, с. 8, 9).

В 1892 г. возле д. Ныргында были найдены кости человека, огромная эполетообразная застежка, которую местные власти переслали в ИАК. В 1898 г. А.А. Спицын открыл здесь 2 могильника пьяноборского типа – Ныргында I и II. Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал в 1894 г. могильник Каменки у с. Мазунино (Смирнов, 1896).

В 20-х гг. XX в. памятники железного века Прикамья изучал А.В. Шмидт, обративший внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложил их разделить: памятники Верхнего Прикамья отнести к гляденовской культуре, а Среднего – к пьяноборской (Шмидт, 1928).

В 1933 г. М.Г. Худяков опубликовал материалы могильников Ныргында I и II из раскопок А.А. Спицына, датировал пьяноборскую культуру II в. до н. э. – V в. н. э. и включил в нее памятники Прикамья этого времени, в том числе и объекты Верхнего Прикамья (Худяков, 1933, с. 16). Все известные материалы пьяноборской культуры были

обобщены А.П. Смирновым, который определил ее время: III в. до н. э. – V в. н. э., отнеся к ней, как и М.Г. Худяков, все древности Прикамья этого времени (Смирнов, 1952).

Начиная с 50-х гг. в Нижнем и Среднем Прикамье проводили раскопки экспедиции многих научных центров: Башкирского, Удмуртского, Казанского и др. Было открыто и исследовано значительное количество памятников пьяноборского времени. Особенно велик вклад в разработку этой проблематики В.Ф. Генинга, под руководством которого раскопаны известные поселения (Чеганда I, Барановское) и могильники (Чеганда II, Ныргында II, Азелино, Суворово, Мазунино). Это дало возможность ему создать собственную концепцию развития пьяноборской общности. В своих первых работах В.Ф. Генинг, увлекшись яркостью памятников удмуртского Прикамья, считал пьяноборскими только памятники этого региона и левобережные в низовьях Белой и в бассейне р. Ик, отнеся их к чегандинской культуре (Генинг, 1962; 1970; 1971). В 1992 г. Б.Б. Агеев, обобщивший все доступные ему материалы Среднего Прикамья этого времени, не обсуждая терминологию, вновь назвал культуру пьяноборской (Агеев, 1992, с. 8). В последующем отношении исследователей к этому термину в литературе не обсуждалось. Лишь в 2009 г. С.Э. Зубов в своем обобщении памятников пьяноборской культуры Башкирии без особой аргументации сообщил, что это название не прижилось среди ученых Башкортостана и Татарстана (Зубов, 2009, с. 255).

Однако школа археологов г. Ижевска, проводя обширные полевые исследования на памятниках этого времени не только в Удмуртии (Тарасово, Усть-Сарапулка и др.), но и в Кировской области (Ошки, Худяки и др.), а также в Татарстане (Ик, Тураево), хорошо понимала, что Среднее Прикамье (чегандинская культура) лишь центральная часть пьяноборского массива, что на рубеже эр существовала огромная пьяноборская культурно-историческая общность, включающая еще и бассейн р. Вятки (худяковская культура), и среднее течение р. Белой (кара-абыз). Близость их материальной культуры определялась прежде всего единством происхождения – ананьинской осно-

вой. Поэтому термин «чегандинская культура» для обозначения одного из локальных вариантов пьяноборской общности для того времени был необходим и нами широко использовался.

Уже в 1970 г. В.Ф. Генинг выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послеананьинская эпоха, по сути, вернувшись к концепции А.П. Смирнова. В пределах пьяноборской эпохи он предложил выделить 4 культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.): *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осинскую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье и низовья Белой) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (Генинг, 1970, с. 8; 1988, с. 29). От явно пьяноборского массива В.Ф. Генинг отделил памятники удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (Генинг, 1967, с. 35), а также памятники III–V вв. бассейна р. Вятки, выделив их в азелинскую культуру (Генинг, 1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (Смирнов, 1964, с. 244–246). Учитывая, что в последней обобщающей работе В.Ф. Генинг (1988, с. 201–277) писал уже о пьяноборской культурно-исторической и этнокультурной области III в. до н. э. – II в. н. э., то можно сказать, что его взгляды существенно приблизились к оценкам А.П. Смирнова.

В 70–80-е гг. в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Р.Г. Фаттахов), уфимскими (С.М. Васюткин, Н.М. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Б.Б. Агеев, В.К. Калинин и др.), свердловскими (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, Л.И. Ашихмина) и ижевскими (Т.И. Останина, Р.Д. Голдина, О.В. Арматынская, Г.Н. Клюева, Т.К. Ютина и др.) археологами. Новые материалы позволили Б.Б. Агееву охарактеризовать могильники этого времени (Агеев, 1992), им были уточнены некоторые датировки, выдвинутые В.Ф. Генингом, и культура была датирована им II в. до н. э. – III в. н. э.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета на могильниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афонино, Ныргында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский, Тураевский бескуранный) и особенно Кировской области (Ошки, Первомай, Худяки, Кордон и др.), позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послеананьинское время (Голдина, 1987, с. 10–15). Согласно ей в конце своего существования *ананьинская* общность разделилась на две: *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего

Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: коми и удмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г. Худяков, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающая к нему часть Татари и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки). Дата пьяноборской общности – III/II в. до н. э. – V в. н. э. Работы последних лет в целом отражают правильность этой гипотезы. Ранняя дата общности спорна.

Стремление выделить на прикамских материалах более дробные, в 2–3 столетия археологические культуры (Генинг, 1958; 1959; 1967; 1988, рис. 1), представляется неоправданным. Отделение этих культур от предшествующих связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н. э. в результате притока сюда нового западносибирского населения (1959, с. 182–184, 201; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (Генинг, 1959, с. 201). В 1972 г. он писал: «...может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому...» (1972, с. 240). Таким образом, оснований для разграничения прикамских культур в III в. нет – мощного сдвига населения на запад в это время не зафиксировано. Более того, Тарасовский могильник убедительно демонстрирует плавное развитие культуры Среднего Прикамья от I в. до V в. Культуры III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа и должны быть включены в качестве позднего этапа этой общности. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить по концу V столетия. На территории северо-западной Башкирии финно-пермский массив существовал до VIII вв.

Сегодня археология Прикамья располагает совсем другими источниками по сравнению с временами А.П. Смирнова и В.Ф. Генинга. В некоторых вопросах концепции сблизились, в других – стали

более обоснованными и четкими. Пьяноборско-гляденовская эпоха (II в. до н. э. – IV/V вв. н. э.) – это археологическая реальность. В ней четко обозначились две общности: пьяноборская (южная) и гляденовская (северная). Первая представлена кара-абызской, чегандинской, худяковской культурами (Голдина, 1999, с. 206–277), вторая – гляденовской (пермское Прикамье), пиджской и джуджыдыгской (Северное Приуралье) (Васкул, 1997, с. 349–399). Красноярский вариант (культура) – образование переходное между пьяноборской и гляденовской территориями.

После открытия и изучения уникального Тарасовского могильника, содержащего 1880 могил, функционировавшего на протяжении всей первой половины I тыс. н. э., стало очевидным, что могильник Чеганда II не соответствует роли опорного памятника этой культуры. Сейчас более целесообразно называть этот вариант пьяноборской общности не чегандинским, а тарасовским.

Тарасовская (чегандинская) культура в ранние периоды занимала камское побережье от устья р. Ик до широты г. Сарапула, бассейны рр. Ик, Сюнь, от устья р. Белой до устья р. Быстрый Танып. На позднем этапе Прикамье было заселено до р. Сивы, верховья р. Иж, на юго-западе – бассейн р. Тоймы (рис. 1). Памятники располагаются скоплениями: городища, селища, могильники. По последним данным в развитии культуры выделяются 3 этапа: ранний, икский (II–I вв. до н. э.), средний, ныргындинский (I–II вв. н. э.)¹, и поздний, мазунинский (III–V вв. н. э.) (Голдина, 1999, с. 225–226; Голдина и др., 2015, с. 5).

Худяковская культура занимала нижнее и среднее течение р. Вятки от г. Слободского на севере, на западе достигала среднего течения р. Пижмы, правого притока р. Вятки, на востоке включала низовья рр. Чепца, Кильмезь – левобережных притоков р. Вятки, на юге – Нижнее Прикамье с приустьевой частью и марийское левобережье р. Волги.

Культура выделена Р.Д. Голдиной в 1987 г., описана ею в 1999 г., всесторонний анализ ее вятских памятников выполнен Н.А. Лещинской (2014). Культура названа по Худяковскому могильнику III–IV вв., расположенному на правобережном притоке р. Вятки – Пижме. Это один из самых крупных исследованных могильников этого времени на Вятке (120 могил) и по характеру материальной культуры более всего соответствует особенностям местного финского населения. Широко

используемый ранее термин – азелинская культура – отражает преимущественно культуру пришлых военизированных групп (III–IV вв.) (Голдина, 1999, с. 262–268). В худяковской культуре Н.А. Лещинской выделены 2 этапа: ошкинский (I – начало III в. н. э.) и азелинский (III–V вв. н. э.) (1995, с. 17; 2014, с. 175, 176).

Кара-абызская культура располагалась преимущественно на правобережье среднего течения р. Белой от устья р. Бирь до устья р. Усолки, лишь небольшая группа памятников зафиксирована на левобережье в устье р. Демы (рис. 1). Долгое время (1960–1990-е гг.) ее исследованием занимался А.Х. Пшеничнюк (1964; 1973; 1982 и др.), с 90-х гг. XX в. их продолжает В.В. Овсянников (Овсянников и др., 2007; 2009 и др.). А.Х. Пшеничнюк датировал культуру IV в. до н. э. – III в. н. э. и делил на 4 этапа: I–IV–III вв. до н. э.; II–III–II вв. до н. э.; III – I в. до н. э. – II в. н. э.; IV – конец II–III в. н. э. (1973, с. 170–175). В.Ф. Генинг предлагал начало кара-абыза относить к III–II вв. до н. э. (1988, с. 62, 63), поздняя дата сейчас определяется как середина IV в. (Овсянников и др., 2007, с. 83). Расцвет кара-абызской культуры падает на III в. до н. э. – II в. н. э. (Овсянников, 2009, с. 240).

Своеобразие археологических общностей определяется по глиняной посуде, погребальному обряду и украшениям. Керамические коллекции пьяноборья изучали многие ученые. Наиболее значителен вклад В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, Т.И. Останиной, Б.Б. Агеева, Р.Д. Голдиной, А.Х. Пшеничнюка, О.А. Казанцевой, Н.С. Савельева, А.А. Красноперова и др.

Поселенческая глиняная посуда лучше всего изучена по материалам тарасовской (чегандинской) культуры (Генинг, 1970, с. 84–88, рис. 18, табл. XXVIII; Иванов, 1982, с. 199–209, 2003, с. 199–207; Бугров, 2006, с. 91–97) и представляет собой лепные, круглодонные вариации горшков, мисок, чаш. Особенно популярны горшки и миски с блоковидной или прямой горловиной и непрофилированные чаши. Диаметры сосудов по устью 10–25 см. В качестве примесей использовались толченая раковина, растительные остатки, режее – песок и шамот. Наблюдаются локальные различия в примесях к глиняному тесту. Орнамент скуден – ряд ямок по шейке, насечки и защипы по венчику. В целом посуда достаточно единообразна.

Посуда пьяноборских могильников также выполнена без гончарного круга и отличается круглодонностью, хотя в бельском варианте присутствуют и сосуды с уплощенным дном. Формы те же, что и на поселениях: горшки, миски и чаши с блоковидной (рис. 2: 3, 9, 13, 17) или прямой горловиной (рис. 2: 5, 10, 14), а также без выра-

¹ В работе 1999 г. этот этап был назван мною (Р.Д.Г.) афонинским по могильнику у с. Афонино, но поскольку публикация материалов этого памятника задерживается, предлагаю его назвать по имени двух хорошо известных могильников у д. Ныргында.

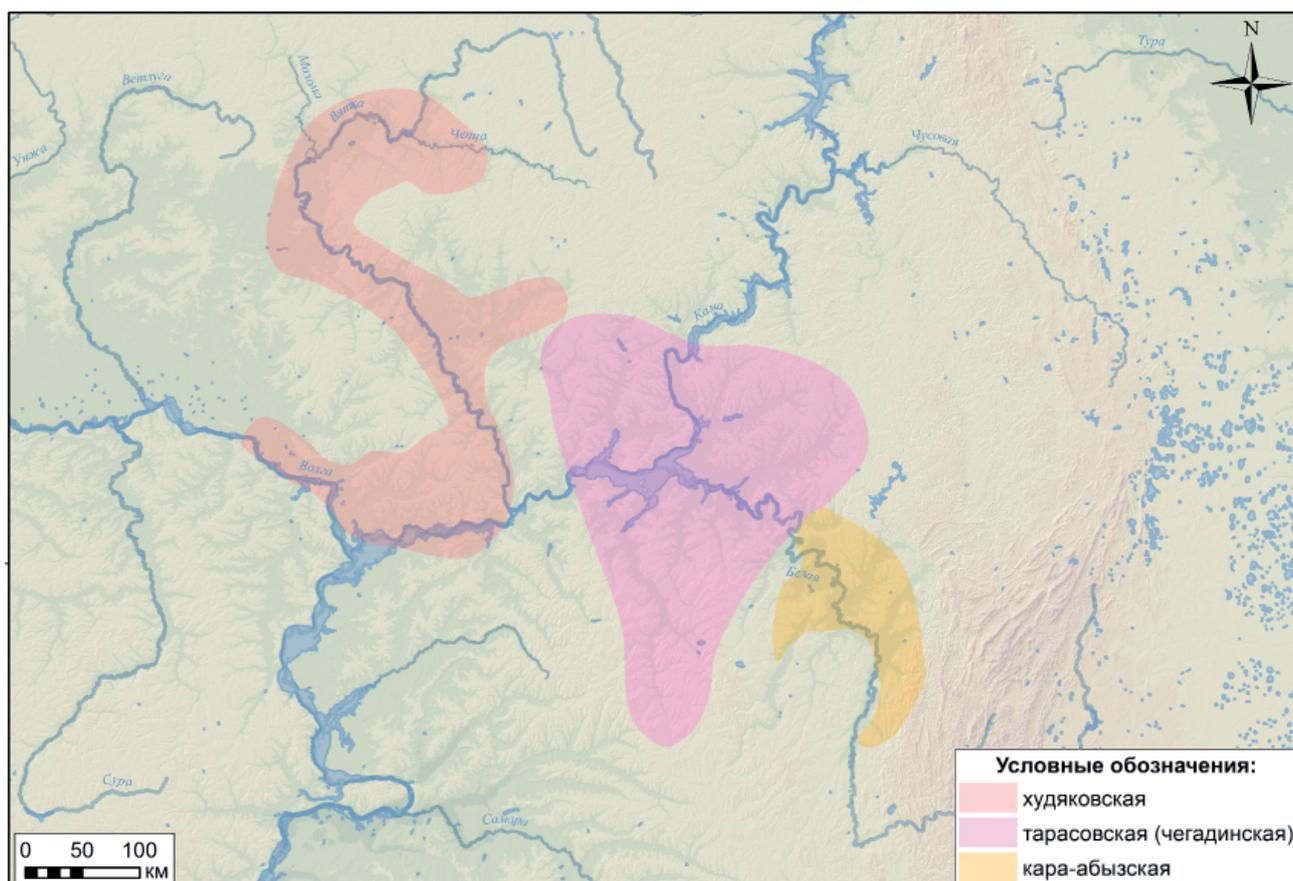

Рис. 1. Ареалы культур пьяноборской культурно-исторической общности
1 – худьяковская; 2 – тарасовская (чегандинская); 3 – кара-абызская

женной шейки с прямым или закрытым устьем (рис. 2: 4, 7, 8, 11, 12, 18, 19). Последние формы характерны и для чаш (рис. 2: 1, 2, 6, 15, 16). В редких случаях наблюдается заметное ребро-уступ в средней части сосуда. Погребальная посуда более миниатюрна, диаметром 4–15 см (рис. 2; рис. 17 в разделе 2, глава 4 данного издания). Примеси: измельченные остатки раковин пресноводных моллюсков, шамот, сухая глина, обожженные кости, птичий помет. Как и на поселениях, посуда орнаментирована скудно по шейке – одним или двумя рядами редких ямок (рис. 2: 5, 13, 14), реже оттисками ногтей, гребенчатого или гладкого штампов. Отмечено усложнение орнамента от первых вв. н. э. к IV–V вв. В кара-абызской культуре орнамент более разнообразен, что связано с воздействием гафурийской и сарматской культур. Особенности худьяковской погребальной керамики: большая доля непрофилированной посуды, редкость ямочных узоров, присутствие шнуrowого орнамента.

Что касается анализа погребального обряда могильников пьяноборской общности, то благодаря ученым многих научных центров осуществлены крупномасштабные исследования значительного количества могильников, опубликованы их

материалы и проведена серьезная аналитическая работа.

Первые профессиональные характеристики погребального обряда пьяноборской (чегандинской – по В.Ф. Генингу, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) культуры были выполнены В.Ф. Генингом (1970) и Б.Б. Агеевым (1992). Они во многом близки, но поскольку работа Б.Б. Агеева вышла спустя 25 лет после монографии В.Ф. Генинга, в ней использован больший материал и содержатся некоторые коррективы деталей обряда. Т.И. Останина предприняла статистическое сопоставление мазунинской, кара-абызской и пьяноборской (тарасовской) культур на основании изучения 24 признаков погребального обряда. Ею использованы материалы, собранные по чегандинской культуре В.Ф. Генингом (1970), по кара-абызу – А.Х. Пшеничноком и по мазунино – собственные (1997). Выяснилось, что показатель сходства пьяноборья (тарасовская (чегандинская) культура) и мазунино достаточно высок – 0,76 (рис. 3), что можно объяснить их преемственностью и принадлежностью к одному культурному блоку. Большой показатель сходства пьяноборья и кара-абыза (0,79) – следствие синхронности и общих истоков (ананьинская общ-

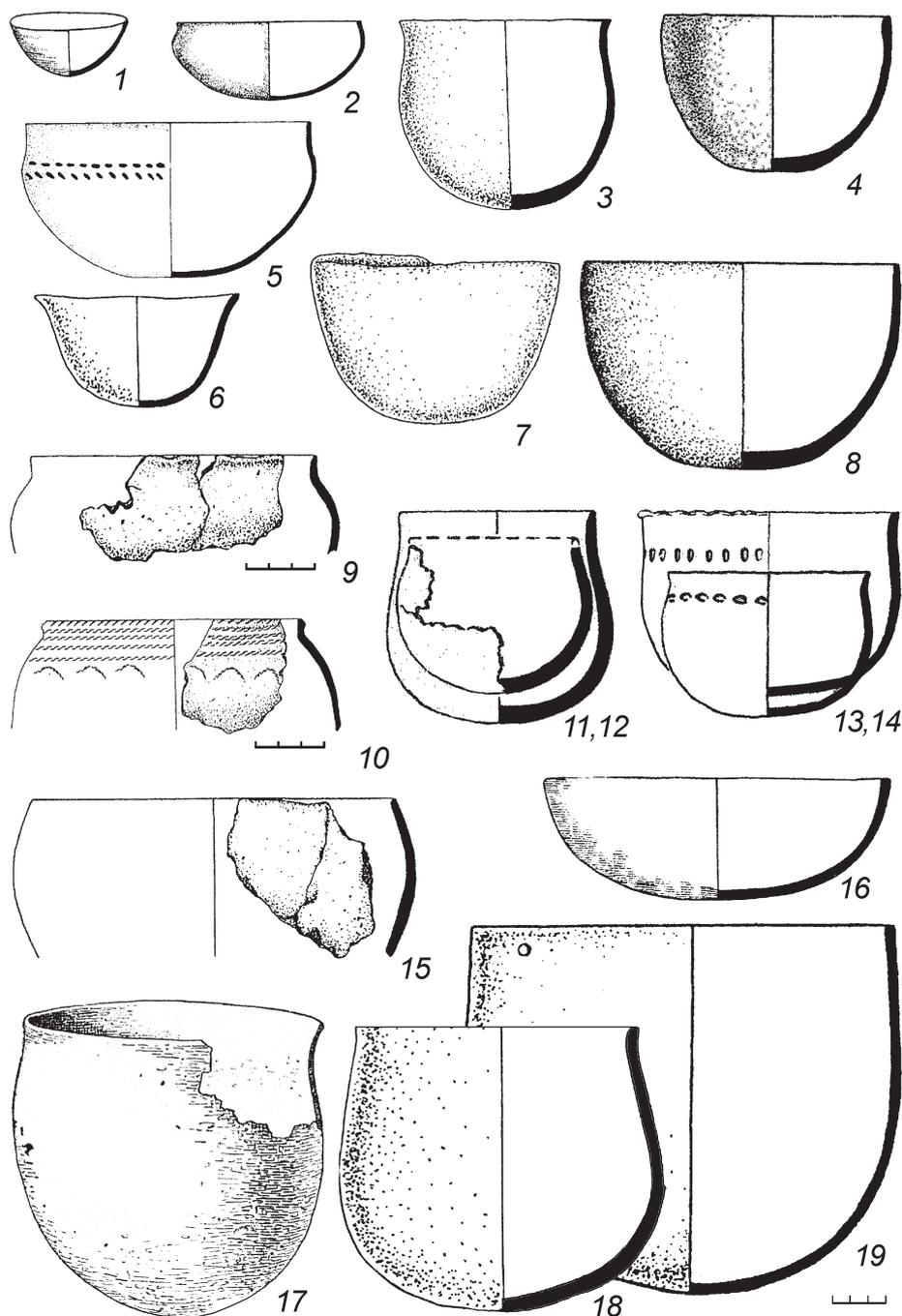

Рис. 2. Глиняная посуда могильников пьяноборской культурно-исторической общности
 1, 2, 5, 16 – Шипово; 3, 6, 7 – Тюм-Тюм; 4, 8 – Камышлы-Тамак III; 11–14 – Ново-Сасыкуль; 9, 10, 15 – Первомай;
 17 – Мари-Луговое; 18 – Нармонка; 19 – Худяки

ность). Обращает на себя внимание более низкий показатель степени сходства кара-абыза и мазунино, что определено хронологической разницей и различной локализацией.

Еще более выразительная картина выявилась благодаря исследованиям Ф.А. Сунгатова, который сопоставлял более обширные и современные материалы кара-абызской, пьяноборской (тарасовской), мазунинской культур, а также двух стадий Бирского могильника: I – III–V вв. и II – V–VIII вв. по 42 признакам (Сунгатов, элек-

тронное письмо от 4.08.2017). Абсолютно совпали с данными Т.И. Останиной показатель сходства мазунино и кара-абыза (0,59) (рис. 4). Несколько возрос, скорее всего, вследствие масштабных работ на пьяноборских могильниках Башкортостана и появления более информативной базы по могильникам этого типа, показатель сходства пьяноборья – мазунино до 0,83, а также снизился показатель сходства кара-абыз – чеганда (тарасово) до 0,62, что вполне оправдано – разные культуры. Ф.А. Сунгатову удалось четко зафиксировать

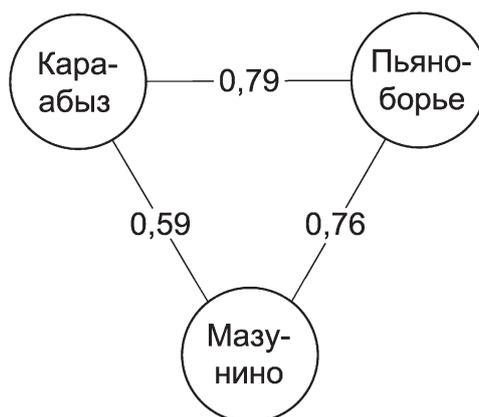

Рис. 3. Граф сходства погребального обряда археологических культур (Останина, 1997, рис. 82)

единство однокультурного синхронного блока: мазунино и Бирск I – III–V вв. (показатель сходства 0,86) и преемственность Бирск I – Бирск II (V–VIII вв.) (показатель сходства 0,81). Нет сомнений в однокультурности пьяноборья (тарасовская, чегандинская культура) и мазунино III–V вв. Показатель их сходства – 0,83. Благодаря работе Ф.А. Сунгатова многие предположения обрели доказательную базу.

Характеристику погребального обряда тарасовской (чегандинской) культуры см. в разделе 2 глава 4 данного издания.

Как и в других культурах пьяноборского круга, в кара-абызской культуре (Пшеничнюк, 1973, с. 175–178) преобладают бескурганые могильники без каких-либо отметок на поверхности. Могильные ямы простые прямоугольные, без особенностей. Размеры зависели от пола и возраста захороненных. Способ захоронения – труположение. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями. На дне зафиксированы следы деревянных настилов. Иногда стенки могил выложены большими камнями. В женских могилах раннего этапа на дне встречались кусочки мела, в поздних – остатки животных (задние конечности овцы или свиньи), глиняные сосуды с сопровождающей пищей. В женских могилах обнаружены украшения, в мужских – предметы вооружения и конское снаряжение. Особенностью женского костюма являются парные нагрудные ремни, украшенные бронзовыми накладками (портупей). Как и в тарасовской (чегандинской) культуре, часть украшений расположена так, как использовалась при жизни; пояса часто развернуты и уложены вдоль или на тело; часть украшений уложена у ног или у головы в емкости – туески, шкатулки, представляя собой подарочные наборы.

Могильники худяковской культуры имеют признаки: грунтовые могилы расположены рядами, преимущественно простые ямы (редко с заплечи-

ками и нишами) ориентированы в меридиональном направлении; с III в. фиксируются внутримогильные конструкции типа гробовищ, известны подстилки из луба, бересты, ткани, войлока и др.; преобладание ингумации, наличие подарочных наборов (0,8–6,5%), следы культа огня (углистые пятна, угли, прокалы в засыпи и в межмогильном пространстве). На памятниках бассейна р. Вятки наряду с труположениями известны трупосожжения (полная или частичная кремация до 69,4% – Худяки). На других территориях трупосожжения единичны (Рождествено V). На Нижней Каме и марийском левобережье в могилах встречаются остатки коней (единично и до 47% – Нармонка). Кремация для лесного Поволжья – у разных групп населения – явление распространенное: в марийско-нижегородском Поволжье – Безводнинский могильник V – начала VIII в. (Краснов, 1980; Никитина, 1999), на памятниках Окско-Сурского междуречья второй половины IV – начала V вв. (Букина, 1998; Ставицкий, 2013) и др., поэтому существование обряда трупосожжения у западных групп пьяноборской общности не является чем-то экстраординарным. Очевидно, что на большой территории худяковской культуры вполне возможны локальные особенности: для вятского варианта – трупосожжение, а для нижекамского – остатки коней на дне могильных ям.

Итак, как показали предшествующие исследования, погребальный обряд демонстрирует единство общности на протяжении конца I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э. и доказывает близость всех трех локальных образований: кара-абызской, тарасовской (чегандинской) и худяковской культур.

Решение проблемы выделения локальных групп памятников пьяноборского облика в бассейнах рр. Камы, Белой, Вятки невозможно без рассмотрения вещевых комплексов культур и прежде всего металлических украшений. Это огромный и

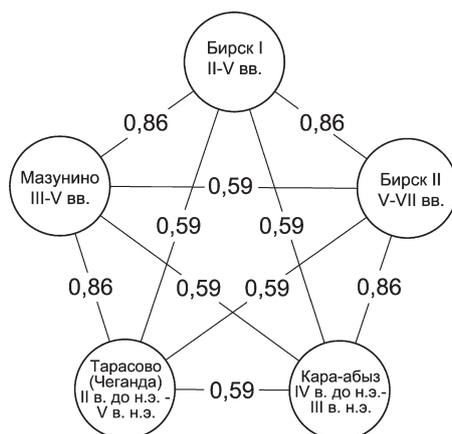

Рис. 4. Граф сходства погребального обряда культур Прикамья рубежа эр и I тыс. н. э. (по данным Ф.А. Сунгатова, 2017)

разнообразный пласт материалов, анализ которого предполагает применение статистики, учета общих и особенных черт в каждой культуре. Но даже простое сопоставление украшений трех изучаемых культур наглядно демонстрирует их близость. О своеобразии тарасовского (чегандинского) комплекса можно судить по данным статистики и типологии Б.Б. Агеева (1992), о периоде I–V вв. – по результатам исследования Тарасовского могильника (Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2016; 2016а; 2017; 2017а) с привлечением корпуса источников мазунинского времени, изученного Т.И. Останиной (1997). В основе источниковой базы по вятскому варианту пьяноборья лежат данные по систематизации вещевых комплексов могильников худяковской культуры (Лещинская, 2014), с учетом опубликованных материалов памятников азелинского типа Нижней Камы (Старостин, 2002; 2009), а также марийского течения р. Волги (Халиков, 1962; Никитина, 1999). Характеристика вещевых комплексов бельского варианта позднего пьяноборья представлена в работах Н.А. Мажитова (1968), А.Н. Султановой (2000). В качестве источников по кара-абызской культуре привлечены материалы многочисленных работ А.Х. Пшеничнюка (1973; 1976; 1982; и др.), коллективная монография уфимских исследователей (Овсянников и др., 2007), диссертационное исследование С.Л. Воробьевой (2012) и др.

Самым распространенным элементом костюмного комплекса пьяноборского мира можно считать височные подвески в виде знака вопроса². В ранний период это подвески с коническими трубами: цельнолитыми (рис. 5: 1, 2) или витыми (рис. 5: 3–5). В III–V вв. на Каме и Белой ведущим вариантом височных подвесок стал «мазу-

нинский» тип, с кольцом в нижней части прямого стержня, обмотанного бронзовой проволокой, или стержня из перевитой проволоки (рис. 5: 6, 7). Подобные височные подвески сотнями зафиксированы и на Тарасовском, и Бирском могильниках. В худяковских некрополях такие височные подвески встречаются реже, здесь более популярны модификации подвесок со свисающим спиральновитым прямым стержнем (рис. 5: 8).

В большинстве пьяноборских памятников известны перстни, однако степень использования их различна. Этот показатель выше для кара-абызских комплексов (12,3%), чем для ранних камско-бельских (тарасовская культура) могильников (1,2–4%). В вятском ареале диапазон встречаемости перстней варьирует от 1,7% до 28,6%. Наиболее популярным типом перстней во всех локальных группах, особенно на ранних этапах пьяноборья, были спиральновитые изделия (рис. 5: 11, 12). Крупная (90 экз.) коллекция таких перстней зафиксирована в кара-абызе, в тарасово (чеганде) их известно 7 экз., в худяковских комплексах – 11 экземпляров. Для ранних периодов всех пьяноборских ареалов характерны перстни с крупным прямоугольным, реже округлым, орнаментированным щитком (рис. 5: 10); в позднепьяноборское время объединяющим типом выступали пластинчатые одновитковые перстни (рис. 5: 13–15).

Находки шейных гривен во всех ареалах пьяноборья немногочисленны: в кара-абызе – 5,15%; по данным Б.Б. Агеева, для ранних пьяноборских могильников – в диапазоне от 0,3 до 7,1%; на Тарасовском могильнике гривны обнаружены в 5,8% могил; на вятских некрополях показатель колеблется от 1,7% (Худяки) до 32,3% (Суворово). Общая тенденция распространения гривен – возрастание их числа в позднепьяноборский период. Для рубежа эр и начала I тыс. н. э. более характерны круглопроволочные экземпляры с расплющенны-

² Более подробную информацию о количестве, степени распространенности украшений, аналогиях см. в статье: Голдина, Лещинская, 2018.

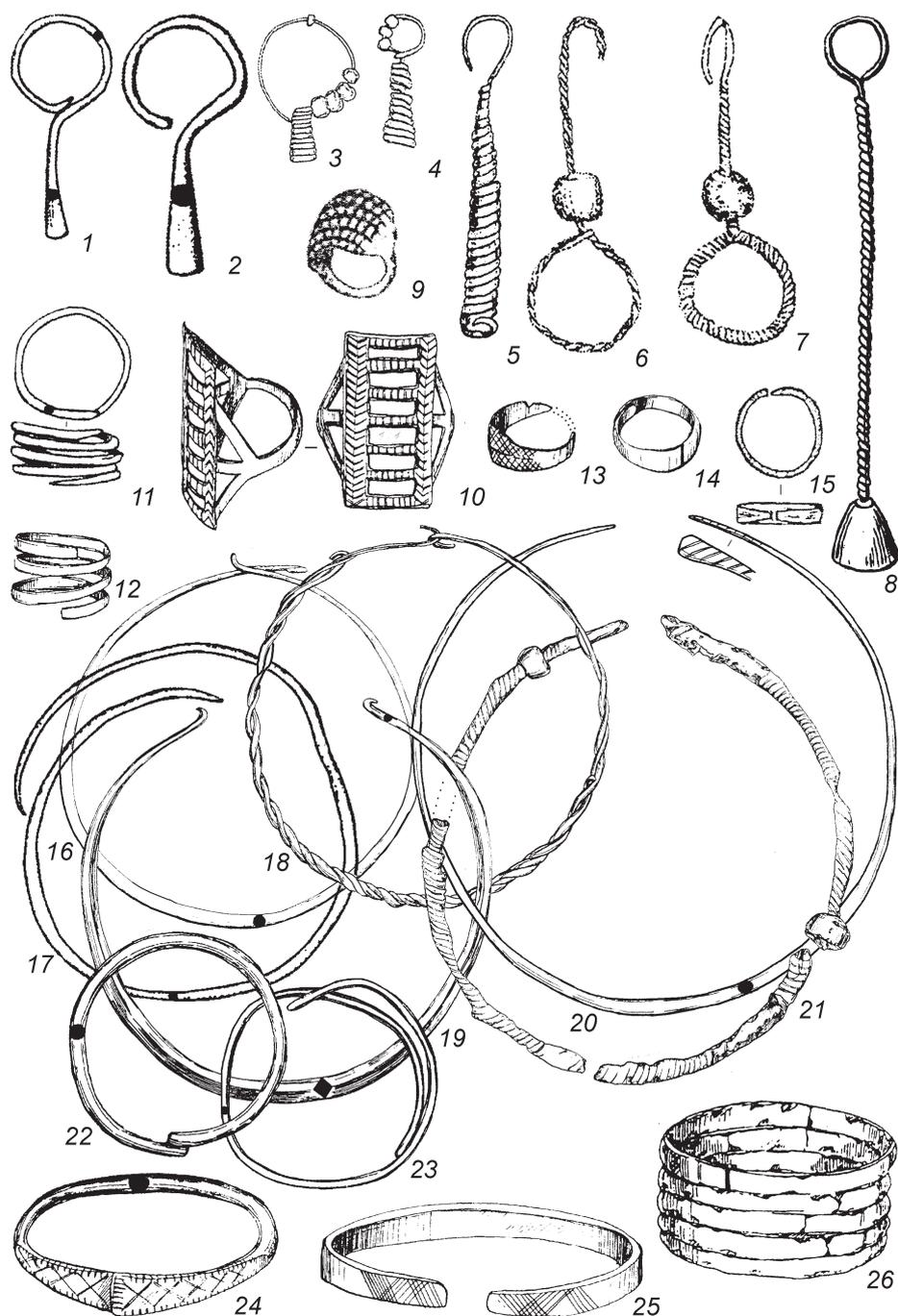

Рис. 5. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–8 – височные подвески; 9–15 – перстни; 16–21 – гривны; 22–26 – браслеты. 1, 2, 5, 8–20, 22–25 – бронза;
3, 4, 6, 7 – бронза, стекло; 21 – железо, бронза, стекло; 26 – железо. Масштаб различен

ми (рис. 5: 20) или заходящими друг за друга концами (рис. 5: 17), витые гривны из двух проволок (рис. 5: 18). В III–V вв. были популярны гривны с ромбическим сечением (рис. 5: 19), круглопроволочные с замком из двух крючков (рис. 5: 16), модификации витых гривен, а также изделия с железной основой, обмотанной бронзовой проволокой, и иногда с напускными бусинами (рис. 5: 21).

Браслеты не часто встречаются в раннепьяноборских комплексах: в кара-абызе показатель их не превышает 5,3% (по С.Л. Воробьевой), на кам-

ско-бельских объектах – 3,4% (по Б.Б. Агееву), на вятских могильниках от 0,8% (Худяки) до 6,3% (Ошки). Количество их возрастает в IV–V вв., судя по Тарасовскому некрополю и камско-вятским азелинским могильникам. Для раннего времени характерны браслеты из дровот круглого сечения с заходящими концами (рис. 5: 23) и многовитковые (рис. 5: 26), а для позднего – бронзовые круглопроволочные простые браслеты (рис. 5: 22) или с орнаментированными расплюснутыми концами (рис. 5: 24) и пластинчатые варианты (рис. 5: 25).

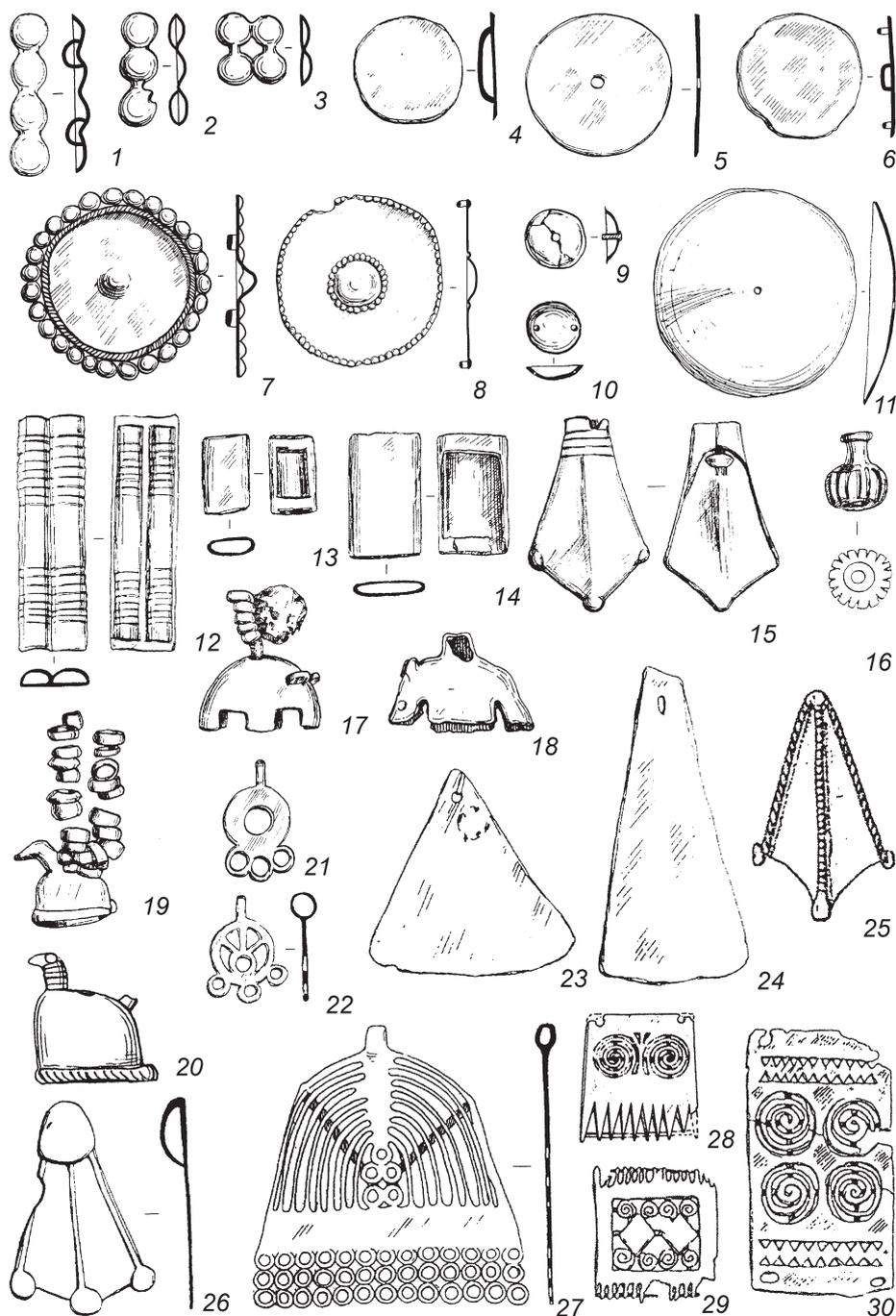

Рис. 6. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–10 – бляшки; 11 – бляха; 12–20 – пронизки; 21–27 – подвески; 28–30 – накладки. 1–30 – бронза. Масштаб различен

Традиционно для костюмных комплексов культур пьяноборского круга использование различных вариантов бляшек: в качестве украшений ворота, рукавов, подола, окантовки одежды; элементов головных, нагрудных, поясных, обувных уборов. Как правило, это цельнолитые бляшки, которые исчисляются тысячами в кара-абызских памятниках, в погребениях Тарасовского могильника. На порядок меньше их на памятниках худяковской культуры, что можно объяснить лишь меньшим объемом источников. Наибольшее раз-

нообразии и количество бляшек зафиксировано для раннепьяноборских комплексов (рис. 6: 1–8), в III–V вв. бляшки также встречаются повсеместно, но меньше, исчисляясь десятками и сотнями (рис. 6: 9, 10). На всех пьяноборских памятниках присутствуют и крупные бляхи (рис. 6: 11), используемые как поясные или нагрудные украшения. Часть из них выполнена из высокооловянистых бронз, другая из – бронзовых сплавов иного состава. Наиболее активный период их использования – II–IV вв.

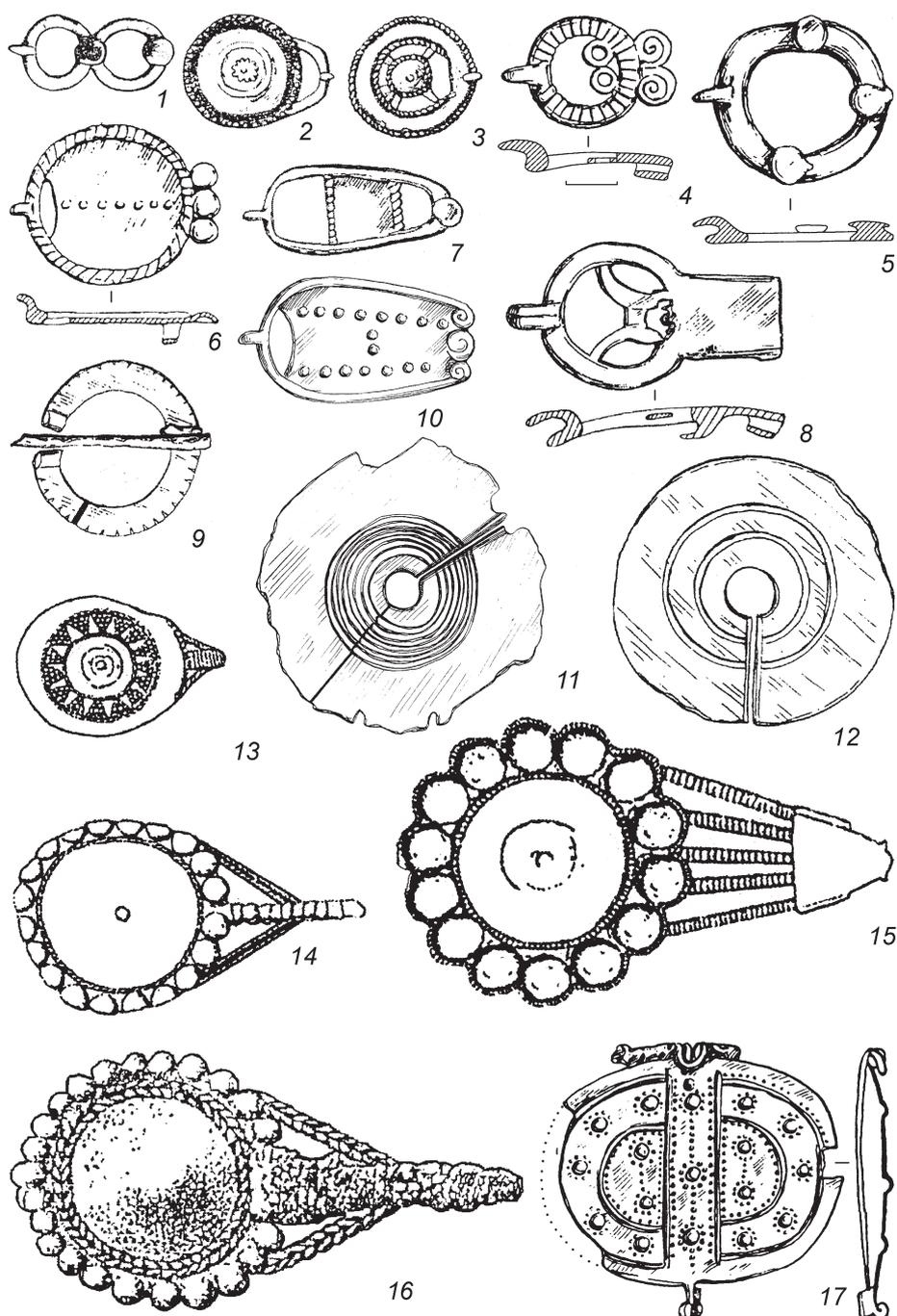

Рис. 7. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–8, 10 – застёжки с крючком; 9 – сьюльгама; 11, 12 – застёжки-бляхи; 13–16 – эполетообразные застёжки;
17 – бабочковидная застёжка. 1–17 – бронза. Масштаб различен

К популярным деталям пьяноборского костюма можно отнести и многочисленные пронизки (обоймы). В среднепьяноборское время наибольшие параллели по этой категории украшений проявляют кара-абызские и тарасовские (чегандинские) памятники. К общим типам можно отнести короткие, широкие, с вырезом на обороте пронизки (рис. 6: 13, 14), более характерные для кара-абыза, и одинарные или двойные полуцилиндрические пронизки с поперечными насечками (рис. 6: 12), чаще встречаемые на Средней Каме.

Значительно реже в этих культурах встречались пронизки-лапки (рис. 6: 15). Вятские материалы со всеми ареалами сближают флаконовидные пронизки (рис. 6: 16). В III–V вв. во всех пьяноборских культурах зафиксированы зооморфные пронизки: медведи (рис. 6: 17, 18), утки (рис. 6: 19, 20).

В пьяноборском костюме в большом разнообразии присутствуют подвески. В ранний период к общим типам относятся многочисленные круглые мелкие подвески с прорезями и без (рис. 6:

21, 22). Распространены подвески геометрических форм – трапециевидные, подтреугольные, прямоугольные (рис. 6: 23, 24). Самая представительная коллекция их (более двух сотен) происходит из кара-абызских могильников. Б.Б. Агеев для камско-бельских некрополей привел данные о 78 изделиях, не менее 67 подвесок этого типа встречено в комплексах Тарасовского могильника, 11 экземпляров известно на Вятке. В меньшем количестве, но во всех пьяноборских ареалах зафиксированы лапчатые подвески (рис. 6: 25, 26). Тарасовский (чегандинский) ареал был центром производства крупных ажурных арочных подвесок (рис. 6: 27). В позднем пьяноборье в каждом регионе развивается своя стилистика подвесок.

Среди общих типов металлической пластики следует отметить и ажурно-прорезные накладки (рис. 6: 28–30). Судя по степени распространенности, центром их производства и более интенсивного использования была тарасовская (чегандинская) культура. В комплексах преимущественно III–I вв. до н. э. Б.Б. Агеевым зафиксирована 221 такая накладка. В первые века I тыс. н. э., как демонстрируют материалы Тарасовского могильника, количество их сокращается (15 экз.). На кара-абызских и камско-вятских памятниках они единичны.

Ярчайшим признаком пьяноборской общности являются застезки с неподвижным крючком (Голдина, 2018). Они получили широкое распространение в раннепьяноборское время и сотнями насчитываются в кара-абызских и тарасовских (чегандинских) комплексах, значительно меньше их в ранних погребениях худяковской культуры (рис. 7: 1–8, 10). В этот же период начинают использоваться эполетообразные застезки (рис. 7: 13–16): с явным доминированием в раннечегандинских памятниках, единичными находками в кара-абызских материалах II в. до н. э. – I в. н. э. и комплексах I–II вв. вятских могильников (Ошки, Первомай). Дальнейшая эволюция эполетообразных застезек связана только с памятниками азелинского этапа худяковской культуры (43 экз. по опубликованным источникам). В III–V вв. в могильниках всех локальных групп встречаются крупные бляхи-застезки «мордовского типа»

(рис. 7: 11, 12) с самой большой коллекцией на памятниках худяковской культуры (не менее 57 экз.), единичными находками в Бирском и Тарасовском некрополях. Более ранние их экземпляры были больше популярны в тарасовской (чегандинской) среде. В такой же пропорции, как и бляхи-застезки, встречаются в локальных ареалах застезки-сьюльгамы (рис. 7: 9). Наибольшее их количество найдено в азелинских памятниках (не менее 51 экз.), Тарасовском могильнике (37 экз.), здесь же им предшествует значительный пласт ранних типов сьюльгам. На Белой их значительно меньше (Бирск – 19 экз.).

Суммируя полученные результаты сравнительного анализа металлической гарнитуры костюмных комплексов трех археологических образований пьяноборской общности, можно констатировать, что уже в первом приближении к теме четко просматриваются параллели по многим категориям украшений. Степень сходства больше проявляется для ранних этапов культур, что вполне объяснимо общей исходной ананьинской основой. Фиксируемые параллели не исключают своеобразия культур, которое еще необходимо исследовать. Но это различие вызвано скорее разнонаправленностью внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Материалы III–V вв. изучаемых культур демонстрируют однотипность многих элементов женского костюмного комплекса, но с большим, чем ранее, проявлением местных стилистик в оформлении таких категорий, как застезки, височные и нагрудные подвески и др. Объяснение этому следует искать в специфике внутренней эволюции культур. В целом же напрашивается вывод о генетическом родстве культур и их своеобразии на уровне локальных вариантов единой пьяноборской общности.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что, несмотря на множество лагун в археологии Волго-Камья этого времени, приведенные материалы, накопленные на протяжении почти 150 лет изучения этой проблемы, убедят специалистов в реальности существования в Волго-Камье на рубеже эр и в первой половине I тысячелетия н. э. пьяноборской культурно-исторической общности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Ранний железный век в Волго-Уралье и на севере Восточной Европы <i>(Кузьминых С.В., Чижевский А.А.)</i>	5
Территориальное деление и природно- географические условия Волго-Уралья в раннем железном веке <i>(Аськеев И.В.)</i>	11
Территориальное деление и природно- географические условия региона на Европейском Северо-Востоке в раннем железном веке <i>(Голубева Ю.В.)</i>	19

Часть первая

Первая фаза раннего железного века Волго-Уралья

Раздел I

Культуры севера степной зоны IX–VII – II вв. до н. э.

Глава 1 Переходный период от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уралья <i>(Таиров А.Д.)</i>	26
Глава 2 Кочевники предсавроматского и савроматского времени <i>(Мышкин В.Н.)</i>	39
Глава 3 Культура кочевников скифской эпохи степей Нижнего Поволжья (вторая пол. VI–IV вв. до н. э.) <i>(Очир-Горяева М.А.)</i>	68
Глава 4 Раннесарматская (прохоровская) культура <i>(Скрипкин А.С.)</i>	85
Глава 5 Цветная и черная металлообработка в степях Волго-Уралья в раннем железном веке	106

Цветная металлообработка у ранних кочевников Южного Приуралья (савромато-сарматская эпоха) <i>(Барцева Т.Б.)</i>	106
---	-----

Технологические характеристики железных изделий второй половины I тыс. до н. э. с территории Южного Приуралья и Поволжья <i>(Завьялов В.И., Терехова Н.Н.)</i>	111
--	-----

Глава 6

Антропология ранних кочевников «савромато-сарматского» облика Волго-Уралья <i>(Китов Е.П., Хохлов А.А.)</i>	115
--	-----

Раздел II

Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья

Глава 1 История изучения и историографии Ананьинской культурно-исторической области. <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М.)</i>	126
---	-----

Глава 2 Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) <i>(Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С.)</i>	141
--	-----

Глава 3 Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа <i>(Чижевский А.А., Волкова Е.В.)</i>	162
---	-----

Глава 4 Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н.)</i>	186
--	-----

Глава 5 Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) <i>(Черных Е.М., Чижевский А.А.)</i>	217
--	-----

Глава 6		Раздел II	
Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О., Ашихмина Л.И.</i>)	242	Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья	423
Глава 7		Глава 1	
Кара-абызская культура. Ранний этап. Гафурийский и убаларский типы (<i>Воробьева С.Л.</i>)	288	Кара-абызская культура III в. до н. э. – II в. н. э. (<i>Воробьева С.Л.</i>)	424
Глава 8		Глава 2	
Городецкая культура (<i>Ставицкий В.В.</i>)	313	Пьяноборская культурно-историческая общность (<i>Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.</i>)	443
Глава 9		Глава 3	
Памятники городецкой культуры в Самарском Поволжье (<i>Волкова Е.В.</i>)	339	Пьяноборская культура. Поселенческие памятники (<i>Черных Е.М., Бугров Д.Г.</i>)	454
Глава 10		Глава 4	
Чурачикский могильник (<i>Мясников Н.С.</i>)	346	Могильники Среднего и Нижнего Прикамья (<i>Голдина Р.Д., Бернц В.А.</i>)	475
Глава 11		Глава 5	
Цветная и черная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья VIII – IV/III вв. до н. э.	354	Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени (<i>Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М.</i>)	503
Цветная металлургия ананьинской культурно-исторической области и ее изучение (<i>Кузьминых С.В., Сапрыкина И.А.</i>)	354	Глава 6	
Чёрная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья в IX – II вв. до н. э. (<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i>)	365	Бассейн р. Вятки на рубеже эр (<i>Лецинская Н.А.</i>)	527
Часть вторая		Глава 7	
Вторая фаза раннего железного века Волго-Уралья		Памятники гляденовской культурно-исторической общности Среднего Прикамья (<i>Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.</i>)	539
Раздел I		Глава 8	
Культуры севера степной зоны	373	Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О.</i>)	562
Глава 1		Глава 9	
Среднесарматская культура (<i>Мышкин В.Н.</i>)	374	Антропология лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья (<i>Волкова Е.В., Газимзянов И.Р.</i>)	598
Глава 2		Литература	608
Памятники писеральско-андреевского типа (<i>Зубов С.Э., [Гришаков В.В.], Мясников Н.С.</i>)	392	Список сокращений	657
Глава 3		Именной указатель	659
Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье (<i>Сташенков Д.А.</i>)	410	Указатель географических названий	662

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ТОМ III

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
бронзовая булавка
раннего железного века
с навершием в виде хищника
из Новомордовского I могильника

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2021 г.
Формат 60×84 ¹/₈
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+